

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ДЕСТРУКТИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В МУСУЛЬМАНСКИХ РЕГИОНАХ МИРА

Джамиля Адамкадиевна Гусенова

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия,
gusenowa03111978@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9045-254X>

Аннотация. Анализируется влияние религиозного фактора на развитие туризма в мусульманских регионах, которое проявляется в двух нарративах: зависимости динамики развития туризма от позиции религиозных лидеров, и росте радикальных настроений на фоне либерализации, привносимой туризмом. Последнее автор интерпретирует как составную часть реакции на попытки форсированного внедрения западных ценностей. Ключевой идеей является объяснение подобной реакции через концепцию интегризма, подразумевающую стремление сохранить религию в неизменном виде. На примере Ирана (модель жесткого контроля со стороны религиозных институтов) и Индонезии (стратегия «инклюзивного ислама») показаны различные сценарии развития туристической индустрии. В выводах для минимизации рисков рекомендуется проводить более сбалансированную политику, учитывающую местную специфику.

Ключевые слова: туризм, мусульманские регионы, риски, интегризм, модернизация, традиционализм, социальная напряженность, внутренняя политика

Для цитирования: Гусенова Д.А. Религиозный фактор в деструктивных проявлениях развития туризма в мусульманских регионах мира // Научная мысль Кавказа. 2026. № 1. С. 14–23.

doi: 10.18522/2072-0181-2026-125-14-23

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

THE RELIGIOUS FACTOR IN THE DESTRUCTIVE MANIFESTATIONS OF TOURISM DEVELOPMENT IN MUSLIM REGIONS OF THE WORLD

Dzhamilya A. Gusenova

Dagestan State University, Makhachkala, Russia,
gusenowa03111978@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9045-254X>

Abstract. The article analyzes the influence of the religious factor on the development of tourism in Muslim regions, which manifests itself in two narratives: the dependence of the dynamics of tourism development on the position of religious leaders, and the growth of radical sentiments against the background of liberalization brought about by tourism. The author interprets the latter as an integral part of the reaction to attempts to forcefully introduce Western values. The key idea is to explain this reaction through the concept of integrism, which implies a desire to preserve religion in its original form. The examples of Iran (a model of strict control by religious institutions) and Indonesia (a strategy of «inclusive Islam») show different scenarios for the development of the tourism industry. The conclusions recommend a more balanced policy that takes into account local specifics to minimize risks.

Keywords: tourism, Muslim regions, risks, integrism, modernization, traditionalism, social tensions, domestic politics

For citation: Gusenova D.A. The Religious Factor in the Destructive Manifestations of Tourism Development in Muslim Regions of the World. *Naučnââ mysl' Kavkaza*. 2026. No. 1. P. 14–23. (In Russ.)

doi: 10.18522/2072-0181-2026-125-14-23

Original article

Очевидно, что перегибы и крайности позиций, будь то в личной жизни или на уровне реализации государственной политики, лишают субъекта манёвренности, гибкости, сковывают его решения и действия в логике воспринятой идеи или идеологии. Это применимо и в отношении туризма, не лишённого в самой своей сущности диалектического единства позитивных и негативных последствий своего «существования» в хозяйственной деятельности общества. Эти две крайности лежат в концептуальных основаниях самого туризма, который предполагает временные выезды (путешествия) с постоянного места жительства в целях, не связанных с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания.* А значит, сама деятельность, с одной стороны, предполагает процесс коммуникации инкультурных сред с заложенным в нём конфликтогенным потенциалом, а с другой, являясь источником дохода, для принимающей стороны может служить важным основанием для развития этого сектора экономики. Любые перегибы здесь, к примеру, сосредоточение усилий правительства только на извлечение прибыли от туризма при игнорировании его разрушительной силы для аутентичных пространств или, наоборот, фокусировка внимания только на якобы исключительно пагубном влиянии на морально-нравственное самочувствие и облик граждан в ущерб его мультипликативным возможностям, тоже разрушительно для общества. И проблема состоит в том, сумеет ли общество, развивающее туристическую сферу, не сводимую к решению только экономических проблем, обеспечить решение других социально важных задач, порождаемых развитием туризма. В нашем исследовании речь пойдёт о въездном туризме всех категорий и видов (за исключением паломничества и религиозного туризма, которые априори привлекают единоверцев или разделяющих религиозные установки), поскольку практика показывает, что его развитие оказывается в большей зависимости от неэкономических аспектов спецификации

* Определение выведено на основании терминологического пояснения, данного в Федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» № 132-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/?ysclid=mmkgfq75qy370095915 (дата обращения: 14.01.2026).

принимающей стороны, таких как религия, культура, традиции, позиция в этом вопросе религиозных и политических элит принимающей стороны и т.д. Все эти факторы способны создать ситуацию интолерантности между принимающей и прибывающей сторонами. В особенности более рельефно эти процессы могут наблюдаться в консервативных обществах, в том числе мусульманских, в которых религиозная идеология выступает доминантой общественной жизни и выполняет охранительную функцию, поэтому религиозный фактор здесь будет наиболее выраженным.

Идея зависимости экономической сферы, в данном случае туризма, от религиозного фактора, высказанная еще Вебером, остаётся малоизученной проблемой в российских научных кругах, тогда как за рубежом на это давно уже обратили внимание, как, например, Али Хаксари [1], Кадри [2], Kadir H. Din [3]; и др. Ранее в предыдущих наших исследованиях была проанализирована политика некоторых мусульманских государств по развитию туризма у себя в регионе с акцентом на адаптацию этой сферы деятельности под нормы ислама [4–7]. Разные подходы в политике мусульманских государств в сфере туризма существуют, несмотря на, казалось бы, общие религиозные убеждения, основанные на нормах ислама. На основании всего массива нашего исследовательского багажа, мы можем с уверенностью отметить существование устойчивых нарративов, объясняющих этот феномен.

Один из таких нарративов – *стремление правительств мусульманских государств в рамках существующих религиозных предписаний и позиции исламских лидеров в обществе развивать или, напротив, препятствовать развитию туристического сектора экономики.*

Сценарий развития туризма в таком ключе реализуется либо в ситуации сращивания, отождествления политических и религиозных элит в одном лице, либо, когда первая (политическая) максимально сближается со второй (религиозной) при формальной секулярности. В конечном итоге это влияет на солидарность/конфронтационность со стороны общества в отношении предпринимаемых правительством мер по развитию/препятствованию развития

туризма. И это, в свою очередь, влияет на социальное самочувствие граждан, уровень их поддержки политических элит и развёртывания маховика фрустрации и конфликтности внутри общества. На это обращает внимание Али Хаксари, который подмечает, что для арабских исламских государств позиция общества и государства в вопросах развития туризма в рамках исламской традиции примерно одинаковая. В крупных неарабских исламских странах существующие между ними различия в языке, социальной организации, ценностях и мировоззрении оказывают значительное влияние на развитие туризма [1, с. 53]. Очевидно, что в неарабских исламских государствах этот вопрос привязан к степени интеграции/секуляризации политической и религиозной властей, тогда как в арабо-исламских государствах* с монархической формой правления он снимается сам собой, в виду функционирования одного центра принятия решения – монарха. В своём исследовании мы сосредоточимся на двух крупных не арабских государствах: Иране и Индонезии, поскольку они придерживаются концептуально разных позиций в политике развития туризма. Такой ракурс представляется в научном плане целесообразным, показывающим вариации развития событий.

Второй нарратив – *либеральные послабления, предпринимаемые мусульманскими государствами, нацеленные на развитие туризма, актуализируют проявления радикализма среди части консервативно настроенных граждан*. Данные тенденции наблюдаются во многих мусульманских регионах мира, и эта проблема существует независимо от того, развивает ли у себя государство туризм или нет. Такова общая реакция со стороны незападного общества на принимаемые правительствами избыточные либеральные решения. Схожая тенденция обнаруживается в исследовании А. Фирсова, посвященном проблеме политической стабильности в России, в котором отмечается, что в истории нашего государства резкие переходы от консервативной модели развития к либеральной расшатывали политическую систему, и результатом таких полуполиберальных реформ становилась «тотальная дестабилизация и окончательный крах правя-

щего режима как в случае царской России, так и в случае распада СССР» [8, с. 5].

На волне модернизационных преобразований, указанные тенденции наблюдаются и в относительно благополучной в религиозном плане Саудовской Аравии, где в период правления короля Фейсала проводилась реформа, ориентированная на либерализацию различных сфер общества. В частности, в стране было отменено рабство, открыты школы для девочек, заработали кинотеатры и телевидение, было ограничено влияние Совета улемов и др. Всё это, воспринятое исламистами-экстремистами как отход от канонов ислама, впервые проявилось в 1965 г., но наиболее резонансным стало нападение группы Джухаймана на мечеть в Мекке в ноябре 1979 г. [9, с. 146].

На эту проблему, связанную с развитием туризма в мусульманских регионах мира и неизбежной в случае проведения либеральных реформ, следует смотреть чуть шире, а именно в контексте актуализации в этой связи в различных сферах общества противоречий между различными социальными движениями модернизационной и консервативной направленности. Такой ракурс позволит объединить оба нарратива в один и выйти на концептуальную глубину понимания наблюдаемых социальных явлений и проблем.

Идеологический контекст. Выделенные выше нарративы связаны не только с развитием туризма и его спецификой. Дихотомия модернизационных и консервативных течений как предмет интеллектуального анализа имеет ряд исторических аналогий, в том числе в виде полемики, развернувшейся в разное время как в католицизме, так и в исламе, получившей своё идейно-практическое воплощение в виде интегризма.

Интегризм выступает противником модернизационных процессов. Д.А. Головушкин определяет интегризм как «религиозное движение, стремящееся сохранить религию и религиозные институты в изначальной чистоте и отвергающее возможность их приспособления к новым социокультурным условиям» [10, с. 125]. Автор считает, что его возникновение в католицизме было связано с неприятием частью паствы политических и культурных изменений, последовавших вслед за эпохой Просвещения и Французской буржуазной революции 1870 г., и что оно является продолжением характерного для большинства религий дискурса о возврате к истокам,

* Традиционно к арабским странам с монархической формой правления относят Бахрейн, Иорданию, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовскую Аравию, Мавританию, Марокко; с республиканской формой правления – Алжир, Египет, Западная Сахара (статус не определённый), Ирак, Йемен, Ливан, Ливию, Сирию, Судан, Тунис.

возникающего на определённом витке развития вероучения.

Применительно к нашему предмету исследования интегризм рассматривается как социальный процесс в мусульманских регионах мира, развивающих у себя туризм, когда, с одной стороны, наблюдается активность социальных групп, придерживающихся позиций либерализма и модернизма – сторонников развития туризма, а с другой – консервативные группы разной степени радикальности, выступающие в авангарде противников неизбежных с развитием этого сегмента экономики, социальных трансформаций либеральной направленности. Данный феномен требует глубокого анализа и учёта во внутренней политике России в вопросах регулирования туристической отрасли экономики и обеспечения национальной безопасности страны.

Интегризм в исламе имеет исторические и онтологические корни и как категория широко используется при объяснении природы исламского фундаментализма. Последнее связано в том числе со спецификой самих религиозных догматов, ориентирующих своих последователей на решение проблем с опорой на священные тексты, наиболее полно регулируя и контролируя жизнь верующих. Именно это, по выражению Р.Г. Ланды, «препятствует проникновению в мусульманскую среду всего «немусульманского», особенно «импортных идеологий» любого вида и направления. Несомненно, это в какой-то степени мешает «осо-времениванию» мира ислама, затрудняет его модернизацию» [9, с. 7–8]. Свой-ственные мусульманской общине архаичность и традиционализм, автор рассматривает в качестве своеобразной ответной реакции на модернизационные процессы «и особенно «вестернизации» [9, с. 8], навешанные Западом.

В истории восточных обществ можно упомянуть множество примеров попыток привнесения ценностей западного опыта на Восток и следующий за этим рост радикализма и фундаментализма, приводящий страны к серьёзным социально-политическим потрясениям. Р.Г. Ланда объясняет это господством на Востоке полуархаичных или традиционных обществ с прочными кровнородственными связями («механическая солидарность»). В таких обществах личность всемерно включена «в тесно сплетающиеся сети патриархальных, родовых, клановых, племенных, семейных, этнических, конфессиональных,

земляческих и иных социальных связей. Вне общины, вне этих связей человек на Востоке не существует как член общества. Поэтому люди там, за немногими исключениями, боятся приобщиться к чужому наследию, «импортным» социокультурным ценностям, к иной политической культуре, не имеющей перспективы прижиться у них на родине» [9, с. 17]. Автор утверждает, что исламский фундаментализм и панисламизм являются порождением длительного противостояния Западу, его агрессивной вестернизации и глобализации, и что в этом вопросе интеллектуально-предпринимательские элиты и простой народ едины в своём противостоянии западничеству, поскольку видят в этом угрозу своего разорения [9, с. 20].

Пришедшие вместе с колониализмом Западу некоторые модернизационные процессы нашли своих последователей среди западников-модернистов, которые усматривали в этом возможность подъёма социально-экономического развития, науки, образования, политического статуса государства на международной арене. Но, как правило, в восточных государствах западники-модернисты остаются в меньшинстве, а их политика на высших руководящих должностях приводит к новому витку роста фундаментализма среди населения и оппозиции, которые усматривают в этом угрозу образу жизни и социальному порядку. Р.Г. Ланда объясняет это спецификой политической культуры мира ислама, в которую вплелись традиции вышеупомянутой многовековой «механической солидарности», опыт противостояния колониализму и неоколониализму Западу, а также воспринятые компоненты культуры западничества и модернизации, которые «в ней не преобладают, более того – с трудом в ней удерживаются, часто мимикрируя и выступая в неотрадиционной форме» [9, с. 22].

Вот такой «неотрадиционной формой» модернизационных процессов и является туризм, который, зародившись в западной культуре, стал активно развиваться в мусульманских регионах мира при поддержке западников-модернистов и западных транснациональных компаний, встречая некоторое сопротивление со стороны консервативно настроенных группировок, усматривающих в этом подрыв монополии ислама в социально-экономической жизни общины. И в этих опасениях есть определённое рациональное «зерно». Даже

сами западные исследователи рассматривают туризм в качестве проявления неокOLONиализма, «поскольку развитые страны предоставляют туристам и контролируют большинство крупных туристических организаций, они имеют власть над развитием и организацией туризма за рубежом» [11, с. 43], т.е. обладают экономической властью над менее развитыми государствами через управление туристическими потоками, а, следовательно, доходами принимающей стороны.

Кроме того, со стороны традиционалистов и консервативно настроенных граждан неприятие вызывают те социальные и структурные изменения, которые несёт в себе туризм. Как и в ситуации с историческим колониализмом государств Востока западными державами, так и в сегодняшней действительности, и в первом, и во втором случае речь идёт об обнищании части населения, которые не смогли приспособиться к болезненным социокультурным трансформациям. В ситуации с туризмом это связано ещё и с резким ростом цен на продовольственные товары, в виду их сезонного спроса, и, соответственно, снижением покупательской способности целых пластов населения, что толкает недовольных к протестным настроениям, идейной опорой которых становится эгалитаризм.

Более ранним историческим и идеологическим примером складывания противоречивых процессов на фоне идеологических перекосов является период зарождения суфистских мистико-философских учений. Эти учения были связаны с дискуссиями по вопросам исламской доктрины, которые возникли в ходе полемики мутакалимов и мутазилитов. И они в своё время представлялись новаторскими, активизировавшими исламских ортодоксов, безоговорочно считающих все эти суфистские практики нововведением («бид'а»).

Суфизм явился своего рода формой протеста против утвердившегося ортодоксального мышления и социального порядка, который в ряде случаев в истории сыграл революционную роль. Хорошо просвещенные для своего времени суфии имели политическое влияние, распространявшееся через последователей на проповедях в мечетях, примечетских коранических школах и медресе, зияратах, странноприимных домах (текке), через которые прошли сотни тысяч представителей разных этносов, и т.д. П. Позднев писал, что суфии «способны быть самыми опасными

и неуловимыми политическими агитаторами против существующих государственных порядков» [12]. Именно суфийские братства выступили в авангарде сопротивления крестоносцам в XI–XIII вв. и европейским колонизаторам, начиная с XV в. Их жёсткая структурированность позволяла при необходимости быстро мобилизовать людские ресурсы.

В пример можно привести исторические события, в которых ведущую роль сопротивляющейся стороны сыграли именно суфийские братства: 1) накшбандийский тарикат под предводительством И. Шамиля в годы Кавказской войны в XIX в.; 2) братства Кадирийя и Рахманийя в Алжире в XIX в.; 3) орден сануси в Ливии и Западном Судане, который вел борьбу против французских и итальянских колонизаторов в XIX–XX вв.; 4) орден Салихийя в африканском Сомали оказывал с 1899 по 1920 гг. серьёзное сопротивление британским колониальным войскам и др. Так же, как и на волне повсеместного роста и популяризации суфийских учений, активизировались исламские ортодоксальные идеологи. Их активное сопротивление наблюдалось при усилении влияния на мусульманский мир идей социализма, ставшего мощным идеологическим конкурентом после революционных событий 1917 г. в России. Если в первом случае догматики обвиняли суфиев в придании Всевышнему сотоварищей («ширк») и в нововведении («бид'а»), то во втором – они стали доказывать несовместимость ислама и социализма, а посягательство на частную собственность представлять грехом.

Таким образом, современные проявления радикализма в исламе вытекают зачастую из исторически сложившейся формы реагирования мусульманских сообществ на модернизационные процессы, исходящие от Запада, в какой бы «упаковке» это не происходило: колониальной политике, демократизации или продвижения либеральных идей, результатов научно-технических достижений или туризма. Применительно к последнему, это выражается в повсеместно складывающейся ситуации, когда на определённом этапе динамика развития туризма, поддерживаемого модернистами, оно начинает сдерживаться активизировавшимися в противовес первым консервативно настроенными группировками, использующими туристическую отрасль в качестве объекта и инструмента решения своих внутривполитических целей. В этом проявляет-

ся диалектика религиозного фундаментализма, и/или своеобразный «исторический маятник».

Фундаментализм и туризм в мусульманских государствах: на материалах Ирана и Индонезии. Крайними примерами работы «исторического маятника» фундаментализма – либерализма представляются Иран и Индонезия. Здесь сразу же оговоримся, что несмотря на то, что в Иране и Индонезии доминируют разные направления в исламе (шиизм и суннизм), это не несёт в себе какой-либо смысловой нагрузки, поскольку для нас важна политико-идеологическая составляющая в этом вопросе, которая не привязана к особенностям этих направлений. Если бы наше исследование проводилось несколькими десятилетиями ранее, то высока вероятность того, что в качестве крайних примеров могли выступить, помимо Индонезии, Саудовская Аравия, которая лишь с 2019 г. открыла свои границы для иностранных туристов (немусульман), в рамках стратегии развития туристической отрасли.

Исламская Республика Иран. В XX в. Исламская Республика Иран пережила смену правящих режимов, которые идеологически сильно отличались друг от друга: монархию и Исламскую республику. В зависимости от этого, исследователи делят досуг в Иране в XX в. на три периода: «(i) первые годы столетия, когда экономические, социальные и досуговые модели оставались в значительной степени традиционными и докапиталистическими; (ii) период династии Пехлеви (1921–1979), когда предпринимались масштабные попытки модернизировать иранскую экономику и общество, с упором на экономический рост и положительное отношение властей к многим западным приоритетам и практикам; и (iii) период после Исламской революции (после 1979), управляемая правительством религиозных лидеров, с категоричными взглядами на потенциально разлагающее влияние западных ценностей и поведения» [13, с. 99].

А. Хаксари увязывает бурный рост развития туризма в дореволюционный период с энергетическим кризисом 1970-х гг., из-за которого цена на нефть подскочила, повлияв на рост доходов на душу населения и увеличение инвестиций в туристическую инфраструктуру страны (гостиницы, дороги и аэропорты). За этими социально-экономическими преобразованиями, сопровождавшимися усиленной либерализацией, последовал следующий исторический виток – скатывание в радикализм,

фундаментализм – Исламскую революцию 1979 г., который значительно притормозил турпоток в страну.

С победой Исламской революции в Иране на различных уровнях организации власти утвердились советы, комиссии и отдельные авторитетные духовные лидеры, выполняющие функцию своеобразного «религиозного филтра» [13, с. 99] в вопросах принятия / непринятия тех или иных законов и нормативных актов, которые должны соответствовать нормам ислама, в частности, шиитскому направлению. В стране сложилась ситуация, при которой восприятие иранским правительством некоторых социальных инициатив, в том числе по вопросам развития туризма, «не полностью соответствует восприятию большинства населения» [13, с. 97]. И это при том, что в иранском обществе существует социальный запрос на развитие туризма в регионе. Сдерживающим фактором здесь выступает то, что среди представителей правящей религиозной элиты существует опасение «возможного негативного социокультурного влияния туризма, особенно со стороны иностранных туристов» [13, с. 98].

Подобные опасения и в других мусульманских странах Дин объясняет тем, что за туризмом закрепилась слава «сексуальной вседозволенности, откровенном употреблении алкоголя, азартных играх, наркотиках, порнографии, вуайеризме и так далее» [3, с. 554]. И эти опасения отчасти не беспочвенны, поскольку туризм как сфера деятельности не может развиваться на рентабельном уровне в отрыве от мировых тенденций и связей политики открытости и либерализма.

Али Хаксари отмечает, что на период Ирано-Иракского конфликта 1980–1988 гг. страна находилась в туристическом смысле в упадке, на что указывает приведённая в его статье динамика посещаемости туристами Ирана. Но, как утверждает сам автор, все эти статистические данные прироста турпотока не отражают потенциал страны как принимающей стороны. А жёсткая позиция религиозных деятелей в Иране по поводу туризма, при игнорировании положительного экономического эффекта от этой отрасли экономики и отсутствия компенсирующих социально-экономических реформ, может привести к недовольству со стороны населения [13, с. 98–99]. Лишь «с 1988 года происходит переосмысление и рассмотрение туризма как возможного

сектора, вносящего вклад в экономику страны» [13, с. 99], но без оглядки на экономические выгоды и с опорой на исламские ценности, принципы и идеологию более фундаменталистского толка, чем это было реализовано в других мусульманских государствах.

Накладываемые ограничения были стандартными для фундаменталистских течений в разное время приходящих к власти в различных мусульманских странах (как, например, в Египте «Братья-мусульмане»^{*}): ношение хиджаба женщинами вне зависимости от их вероисповедания, гендерная сегрегация на пляже и запрет алкоголя, музыки. Всё это негативно сказывается на туристической привлекательности принимающей стороны. И здесь нужно иметь в виду и то, что такая модель «заставляет планировщиков, чиновников и мене-джеров отдавать приоритет разработке планов развития, основанных на исторических, культурных, образовательных и природных туристических достопримечательностях, а не на рекреационных и развлекательных» [13, с. 101]. А массовым туризмом можно назвать только последние два, все остальные подпадают под категорию специализированного вида, нацеленного на узкий круг отдыхающих.

Такую ситуацию следует рассматривать в качестве ограничения своих собственных возможностей. Добавим к этому не использованный в полной мере потенциал рекреационного и экологического туризма Ирана, обеспеченный его природно-географическим местоположением. На выходе мы получаем провальную политику государства в сфере туризма, взявшее в расчёт только его отрицательное влияние на нравственные основы общества, полностью игнорирующего позитивную его роль. О просчётах государства в этом секторе экономики свидетельствуют статистические данные, приведённые Д.Р. Мазраи Тучаи и Л.В. Фокеевой, которые констатируют, что прямой вклад туризма в ВВП Ирана в 2017 г. составил 3 %, в сравнении с 2 % в 2007 г. [14, с. 251].

Некоторые другие мусульманские государства, в частности Индонезия, смогли найти разумный баланс в этом вопросе, и это было решением «снизу».

Индонезия. В Индонезии также активны два противоположных по своим идеологическим задачам движения. На это указывает в своём

анализе туризма в Индонезии Кадри, который на примере одного из самых крупных и известных туристам из группы островов Гили – Траванган, показывает, что туризм здесь имеет положительное и отрицательное значение для местных жителей-мусульман, которые сумели мобилизовать все ресурсы и внедрить т.н. «инклюзивный ислам» [2, с. 345], представляющий толерантным и дружелюбным по отношению к туристам-иностранцам.

С одной стороны, доля доходности от туризма в региональном бюджете составляет около 60 %, из которых «45 % приходится на туризм на трех знаменитых островах Гили: Гили Траванган, Гили Мено, Денг-Гили-Эйр» [2, с. 335]. Тем не менее, как отмечает автор, в Индонезии сопротивление со стороны местного населения индустрии туризма широко распространено. Так, в 2020 г. консервативной исламской группировкой был сожжен Букит-Бинтанг, туристический центр в округе Памекасан, провинция Восточная Ява.

Не погружаясь в особенности индонезийского исламского фундаментализма, сосредоточимся на мерах, какие предпринимаются местной мусульманской общиной для нивелирования отрицательных сторон развития туризма.

Кадри подмечает, что своеобразным «ответом» на развитие туризма в стране стал рост интереса к исламскому вероучению и активная её поддержка на личном и коллективном уровне. Он обращает внимание на три реализуемые стратегии, которые, по его мнению, позволяют снять религиозные риски:

1. «Духовное укрепление через проповедь» [2, с. 339]. Здесь автор имеет в виду не только пятничную молитву, но и регулярное коллективное чтение Корана и другие мероприятия, которые направлены на укрепление веры. Как подчёркивает Кадри, его исследования показали, что в содержательном плане проповедь не была нацелена против туризма, «не провоцировала местных жителей осуждать туристическую деятельность, противоречащую исламским учениям. Проповедь подразумевала укрепление внутренней веры и благочестия и содержала указания всегда придерживаться исламских принципов» [2, с. 335]. Он отмечает, что мусульманская община Гили Траванган при поддержке главы мечети Такмир Бай-туррахман устаза Хади «избирательно приглашает проповедников. Процесс отбора включает в себя изучение биографии проповедников,

^{*} Запрещена в России.

чтобы убедиться, что они придерживаются умеренных, толерантных и мирных взглядов. Мусульманская община открыта для любых проповедников из любых религиозных организаций, при условии, что они могут поддерживать гармоничные социальные отношения и избегать любых провокаций» [2, с. 341]. Содержательно проповеди поддерживают исламские ценности, такие как «тавасут-и'тидаль (умеренность), тасаммух (терпимость), тавазун (баланс) и противодействие насилию» [там же]. На наш взгляд, такая модель взаимодействия общества и религиозных институтов, при которой существует процесс отбора умеренных проповедников и которые во время пятничных намазов призывают к умеренности и терпимости к представителям инокультурной среды, способна защитить туристическую индустрию от провокаций.

2. «Обучение детей исламским знаниям» [2, с. 341]. С раннего детства для этих целей родители отправляют детей в официальные специализированные исламские центры изучения Корана, которые функционируют при крупных мечетях, либо отдают на обучение в исламские школы-интернаты, находящиеся за пределами туристических островов, тем самым изолируя детей от туристических зон и, соответственно, от гедонизма, и где им преподают умеренный ислам и местные традиции. Очевидно, что среди местных жителей существует уверенность, что именно прочные знания исламского вероучения помогут детям, да и взрослым тоже, не подпасть под тлетворное влияние туризма.

3. «Обеспечение соблюдения местных законов» [2, с. 344]. Кадри отмечает, что мусульманская община острова Гили Траванган на протяжении поколений соблюдают местные неписанные правила, «известные как Авик-Авик (Awik-Awik)» [там же], которые «запрещают детям и студентам заниматься туристической деятельностью, ... употреблением алкогольных напитков, посещением ночных клубов и вечеринок» [там же], заставляют публично извиняться тем, кто совершил кражу и прелюбодеяние. В последнем случае предусмотрен даже принудительный брак и изоляция от общества. По наблюдениям самого автора, «поддержание этой традиции местными жителями способствует минимизации негативного воздействия туризма на социальную жизнь и религию» [там же].

Как отмечает Кадри, местные жители не жалуются на туристов, хотя крупнейшая мечеть

соседствует с пляжем и, проходя в сторону мечети на богослужение, мимо загорающих в бикини отдыхающих, верующие вынужденно наблюдают за тем, что в исламе под запретом, не выказывая при этом в адрес туристов агрессию, а во время Рамадана, не ограничивая работу предприятий питания. Удачным признаётся и опыт адаптации исламских календарных праздников под событийный туризм, как, например, празднование последней среды месяца Сафар ритуальным коллективным купанием, содержащий смысл духовного очищения.

Очевидно, что в случае с Индонезией возобладал рациональный подход, сочетающий экономическую целесообразность с социальной стабильностью. В противном случае её жителям отдалённых островов оставалось только заниматься рыбохозяйственной деятельностью, менее рентабельной в сравнении с туризмом.

Таким образом, анализ политики двух крупных мусульманских государств, стоящих на разных позициях туризма, подтверждает ранее выдвинутую гипотезу о том, что религиозный фактор играет одну из ключевых ролей во внутренней политике этих государств, поскольку выступает онтологическим условием протекающих социальных процессов. Однако ещё большее значение для развития туризма имеет уровень консолидации усилий элиты и народа вокруг развития этой сферы деятельности, поскольку последнее выступает в качестве катализатора обострения противоречий между социальными движениями модернизационной и консервативной направленности. Иначе говоря, либеральные тенденции в туризме способствуют актуализации консервативных взглядов в принимающем обществе. Упрощение визового режима, ускоренный рост вовлечения религиозных и сакральных пространств в мировые туристические кластеры – все эти и иные процессы, движимые в сторону большей свободы перемещения, инклюзивности и открытости миру, создают ситуацию более динамичного «вторжения» в аутентичное пространство элементов инокультурной среды, привнося, с точки зрения представителей некоторых сообществ принимающей стороны, хаос в существующий социальный порядок.

Протестные настроения и движения, возникающие в так называемых незападных обществах на фоне динамичного развития туризма, как правило, не афишируются местными властями и остаются слабо изученными в научном плане. Они зачастую рассматриваются

как протесты отдельных сообществ, имеющих убытки, в самом широком смысле этого слова, или же как проблема социального управления. Между тем, подобные социальные движения содержат в себе огромный мультипликативный эффект, поскольку тянут за собой проблемы политической стабильности.

Мусульманские сообщества не являются категорическими противниками социокультурных трансформаций, несмотря на то, что обновленческие процессы, связанные с развитием туризма, протекали и протекают крайне болезненно для социума. В отдельных мусульманских государствах развитие туристического сектора экономики, поддерживаемое прогрессивными модернистскими силами, сдерживается консервативно настроенными социальными группами. И в такой ситуации туризм становится *фактором внутривнутриполитических противоречий*. Сопровождающая процесс развития туризма либерализация жизни приводит к усилению консервативных настроений. Показательными в этом плане являются примеры Ирана и Индонезии, в которых популистские антитуристские риторики со стороны экстремистских организаций находили социальную поддержку. Эта проблема лежит не только в плоскости идеологических, но и социально-экономических разногласий, а именно перераспределения доходов, полученных от туризма. Поэтому туризм и становится катализатором тлеющих социально-экономических, политических, культурных и идеологических проблем в мусульманском обществе. Что с этим делать?

1. Прежде всего необходимо прийти к пониманию, что развитие туризма в незападных обществах – это не просто экономический проект, но и сложный социокультурный процесс, который может дестабилизировать регион, если не управляется комплексно и без учета местной специфики. Успех зависит не только от создания туристической инфраструктуры, но и от справедливого распределения доходов, решения инфраструктурных проблем и уважения к культурным традициям.

2. Во внутренней политике не допускать радикальных перекосов в ту или иную сторону: не впадать ни в крайний консерватизм, граничащий с фундаментализмом и радикализмом, ни в крайний либерализм, губительный для исламских обществ. Важно оставаться на умеренных позициях, осознавать положительные последствия развития туризма, иметь

возможность и ресурсы оперативно купировать его отрицательное влияние. И это значимо в той связи, что либеральные тенденции в туризме не приводят к автоматической либерализации жизни мусульманского общества, а напротив, зачастую провоцируют усиление интегризма как стремления сохранить религиозные и культурные институты в «первозданной чистоте» и отвергнуть модернизацию.

Список источников

1. *Khaksari A.* The role of planning in tourism development // In *Evaluation of Policies and Plans for Developing Tourism in I. R. of Iran*, Zargham H (Ed). Tehran: Allameh Tabatabai University, 2003. P. 52–58.
2. *Kadri.* Religion and Tourism: Promoting Inclusive Islam in Lombok Island, Indonesia // *Studia Islamika*. Vol. 29. No. 2. 2022. P. 333–357.
3. *Kadir H. Din.* Islam and tourism: patterns, issues and options // *Annals of Tourism Research*. 1989. № 16 (4). P. 542–563.
4. *Гусенова Д.А.* Основные факторы развития туризма в ОАЭ // *Исламоведение*. 2023. Т. 14. № 2 (56). С. 19–33.
5. *Гусенова Д.А.* Развитие туризма как отражение процессов либерализации стран Аравийского полуострова // *Исламоведение*. 2015. Т. 6. № 2 (24). С. 50–63.
6. *Гусенова Д.А.* Исламский фактор в развитии туризма в Египте // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2015. Т. 11. С. 97–104.
7. *Гусенова Д., Саркарова Н., Алибекова С., Байсаидова Г.* Современные проблемы и пути реализации туристического проекта «Великий шелковый путь» в республиках Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*. 2020. Т. 23. № 2. С. 98–112.
8. *Фирсов А.* Особенности поддержания политической стабильности в современной России // *Россия и мусульманский мир*. 2017. № 2 (296). С. 5–16.
9. *Ланда Р.Г.* Политический ислам: предварительные итоги М.: Ин-т Ближнего Востока, 2005. 285 с.
10. *Головушкин Д.А.* Католический фундаментализм: к дискуссии о феномене и терминоприменении // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение*. 2025. № 117. С. 121–138.
11. *Bennett-Cook R.* Neocolonialism. In: D. Buhalis, ed., *Encyclopedia of Tourism and Marketing*. Cheltenham, UK: Elgar. 2022. P. 43–45.
12. *Позднев П.* Дервиши в мусульманском мире: Исслед. Петра Позднева. Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1886. 336 с. С. 1–2.

13. Khaksari A. Timothy jeonglyeol lee and Choong-Ki Lee. Religious Perceptions and Hegemony on Tourism Development: the Case of the Islamic Republic of Iran // *International Journal of Tourism Research*. 2014. No. 16. P. 97–103.
14. Мазраи Тучаи Д. Р., Фокеева Л. В. Современное состояние и особенности развития туризма в Исламской Республике Иран // Беларусь в современном мире: материалы XVI Международная научная конференция, посвященная 96-летию образования Белорус. гос. ун-та, (г. Минск, 25 октября 2017 г.). Минск: Изд. центр БГУ, 2017. С. 249–251.

References

1. Khaksari A. The role of planning in tourism development. In: *Evaluation of Policies and Plans for Developing Tourism in I. R. of Iran*, Zargham H (Ed). Tehran, Allameh Tabatabai University, 2003. P. 52–58.
2. Kadri. Religion and Tourism: Promoting Inclusive Islam in Lombok Island, Indonesia. *Studia Islamika*. 2022. Vol. 29. No. 2. P. 333–357.
3. Din Kh. Islam and tourism: patterns, issues and options. *Annals of Tourism Research*, 1989. No. 16(4). P. 542–563.
4. Gusenova D.A. The Main Factors of Tourism Development in the UAE. *Islamovedenie*. 2023. Vol. 14. No. 2 (56). P. 19–33. (In Russ.)
5. Gusenova D.A. Tourism Development as a Reflection of the Liberalization Processes of the Arabian Peninsula Countries. *Islamovedenie*. 2015. Vol. 6. No. 2 (24). P. 50–63. (In Russ.)
6. Gusenova D.A. The Islamic Factor in Tourism Development in Egypt. *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies*. 2015. Vol. 11. P. 97–104. (In Russ.)
7. Gusenova D., Sarkarova N., Alibekova S., Baysaidova G. Current problems and ways of implementing the tourism project «The Great Silk Road» in the republics of Central Asia. *Central Asia and the Caucasus*. 2020. Vol. 23. No. 2. P. 98–112. (In Russ.)
8. Firsov A. Features of maintaining political stability in modern Russia. *Russia and the Muslim world*. 2017. No. 2 (296). P. 5–16. (In Russ.)
9. Landa R.G. *Political Islam: preliminary results*. Moscow, 2005. 286 p. (In Russ.)
10. Golovushkin D.A. Catholic fundamentalism: towards a discussion on the phenomenon and terminology application. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities. Series 1: Theology. Philosophy. Religious studies*. 2025. No. 117. P. 121–138. (In Russ.)
11. Bennett-Cook, R. *Neocolonialism*. In: D. Buhalis, ed., *Encyclopedia of Tourism and Marketing*. Cheltenham, UK, Elgar. 2022. P. 43–45.
12. Pozdnev P. *Dervishes in the Muslim world*. Orenburg, Tipografiya B. Vreslina, 1886. 328 p. (In Russ.)
13. Khaksari A. Timothy jeonglyeol lee and Choong-Ki Lee. Religious Perceptions and Hegemony on Tourism Development: the Case of the Islamic Republic of Iran. *International Journal of Tourism Research*. 2014. No. 16. P. 97–103.
14. Mazrai Tuchai D.R., Fokeeva L.V. The current state and especially the development of tourism in the Islamic Republic of Iran. In: *Belarus in the modern world: proceedings of the 16th International Scientific Conference dedicated to the 96th anniversary of the formation of the Belarusian State University*. Minsk, 25 okt. 2017. Minsk, BSU, 2017. 379 p. P. 249–251. (In Russ.)

Шифр специальности: 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Информация об авторе

Д.А. Гусенова – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических наук. 367000, г. Махачкала, ул. Гаджиева, 43 а.

Information about the author

D.A. Gusenova – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor in the Department of Philosophy and Social and Political Sciences. 43a Gadzhiev Street, Makhachkala, 367000.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 15.03.2026.

The article was submitted 15.01.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 15.03.2026.